

Экономика природных ресурсов

DOI: 10.38050/2078-3809-2021-13-1-25-51

В ПОИСКАХ НОВЫХ РАМОК ДЛЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПОСЛЕ COVID-19: СТРАНЫ БРИКС* **

Бобылев Сергей Николаевич
Доктор экономических наук, Профессор
МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет
(г. Москва, Россия)

Григорьев Леонид Маркович
Кандидат экономических наук, Профессор
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ВШЭ)
(г. Москва, Россия)

Автор перевода:
Белецкая Мария Юрьевна
Кандидат экономических наук
МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет
(г. Москва, Россия)

Аннотация

Глобальная пандемия COVID-19 и неожиданная рецессия опасного масштаба дали веские основания взглянуть на Цели устойчивого развития (ЦУР) с трех точек зрения: ЦУР как жертва рецессии 2020 года; ЦУР как возможность для лучшей координации на пути выхода из рецессии и ЦУР как объект модернизации для лучшей адаптации к реалиям «на мировой арене». Страны БРИКС заинтересованы в развитии и реализации ЦУР в глобальном масштабе как способе наверстать упущенное. Авторы предлагают «протокол пандемии», а также изменение методики включения индикаторов в ЦУР: введение новых важных для устойчивости индикаторов и инкорпорацию сквозных ключевых индикаторов для ЦУР, как новых, так и уже имеющих.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-010-00981.

** Перевод статьи Bobylev S., & Grigoryev L. (2020). In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS. BRICS Journal of Economics, 2(1), 4–24. <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-7>

Бобылев С.Н., e-mail: snbobylev@yandex.ru

Григорьев Л.М., e-mail: lgrigor1@yandex.ru

Белецкая М.Ю., e-mail: mybeletskaya@gmail.com

Ключевые слова: БРИКС, здравоохранение, неравенство, низкий уровень выбросов углерода, пандемия, рецессия, ЦУР.

JEL коды: F01, F44, F63, F64, O15.

Для цитирования: Бобылев С.Н., Григорьев Л.М. В поисках новых рамок для Целей устойчивого развития после COVID-19: страны БРИКС (перевод с англ. Белецкая М.Ю.) // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2021. Том 13. Выпуск 1. С. 25-51. DOI: 10.38050/2078-3809-2021-13-1-25-51

1. Введение: кардинальные изменения в глобальной структуре

Международное сообщество находится в «острой» стадии пересмотра своих проблем и рисков, возможностей и способов координации перед лицом пандемии COVID-19 и глобальной рецессии 2020 года. В этом контексте мы являемся свидетелями широких дискуссий о постпандемическом будущем мира. Основное внимание уделяется нескольким направлениям.

Самая главная задача – восстановить эффективную координацию между крупными мировыми державами, международными и неправительственными организациями в целях преодоления пандемии и оказания помощи всем страдающим людям в развитых странах. Важным моментом в этом отношении является сотрудничество органов здравоохранения, которые должны производить, тестировать и регистрировать все соответствующие лекарства (вакцины и т. д.), а затем использовать их по всему миру для устранения скрытых источников инфекции.

Мы также должны подчеркнуть масштабную задачу восстановления экономической активности внутри стран и еще гораздо более сложную задачу восстановления международных путешествий, человеческих контактов, интеллектуальной и художественной деятельности: связей между университетами и научными школами, концертной деятельностью и музеями, спортивными организациями, клубами и федерациями. Кризис был вызван ограничениями, связанными с сектором здравоохранения, которые МВФ назвал Великой изоляцией (Great Lockdown). Нарушение внешнеэкономической деятельности в сфере отдыха, транспорта и услуг поставило под угрозу сотни миллионов людей (Григорьев и др., 2020). Преодоление пандемии потребует большого доверия и сотрудничества между странами и органами здравоохранения, а также определенного успеха в борьбе с COVID-19. И чем раньше произойдет снятие глобальных ограничений и изоляции, тем быстрее мировая экономика оправится от рецессии. По состоянию на август 2020 года пандемия распространилась по всем континентам. Есть отчеты ВОЗ, которые предсказывают возможную вторую волну коронавируса осенью 2020 года или зимой 2021 года. Тем временем, прогноз рецессии снизился до минус 4,9% ВВП и минус 11,9% мировой торговли в 2020 году. Превысить уровни этих показателей 2019 года получится только в 2022 году (IMF, 2020).

Еще одним ключевым аспектом сокращения глобальных потерь является финансовая стабильность – восстановление способности затронутых отраслей, банков и МСП возобновить свою деятельность. Ведущие страны и международные финансовые организации (ИФО) уже вложили триллионы долларов. Это непростая задача, и с ней нельзя справиться набором разрозненных решений. Крупномасштабная индустрия отдыха (например, средиземноморский туристический мир) не может возобновить работу с нормальными доходами без

одновременного открытия аэропортов, транспортных соединений, поставщиков, здравоохранения и т.д. Медицинский и экономический кризис марта–июня 2020 года нанес тяжелый удар по глобализации, но без глобализации мировая экономика не сможет преодолеть текущее низкоуровневое равновесие. Вот как 27 апреля Генеральный секретарь ООН Антонио Гутеррес определил позицию организации: «Хотя этот кризис ставит под угрозу прогресс в достижении Целей устойчивого развития, он также делает их достижение еще более неотложным и необходимым. Двигаясь вперед, важно, чтобы недавние достижения были максимально защищены и продолжалось действительно преобразовательное восстановление после COVID-19, которое снижает риск будущих кризисов и значительно приближает инклюзивное и устойчивое развитие, необходимое для достижения целей Повестки дня на период до 2030 года и Парижского соглашения об изменении климата» (Экономический и Социальный Совет ООН, 2020b).

В целом мы поддерживаем ЦУР ООН, но мы также считаем, что некоторые цели и показатели Повестки дня на период до 2030 года являются темами для своевременного обсуждения. Как упоминалось выше, мы считаем «продвижение» в достижении ЦУР очень скромным по многим направлениям. С нашей точки зрения, ЦУР как процесс достижения Повестки дня на период до 2030 года, как набор целей и система показателей требуют определенного внимания, чтобы поддерживать их эффективность («самодостаточность») в долгосрочной перспективе. К июлю 2020 года уже стало известно о новых базовых ограничениях перспективы глобального процветания. Пандемия постепенно исчерпывает себя в России, и некоторые страны Европейского Союза подавили вспышку. Китай, похоже, все еще борется с опасностью мутирующего вируса в Пекине. В странах БРИКС в Азии (Индия), Латинской Америке (Бразилия) и Африке (ЮАР) в настоящее время наблюдается рост числа инфицированных граждан. Нет ясности в отношении развития пандемии осенью 2020 года и восстановления нормальной жизни и экономической активности. По сути, мы наблюдаем несоответствия в мерах предосторожности в европейских странах, выходящих из карантина. Между тем США, Бразилия и некоторые азиатские страны демонстрируют печальную перспективу затяжной антивирусной борьбы.

В прогнозе МВФ от июня 2020 года сделан вывод о том, что глобальная рецессия 2020 стала самым глубоким спадом экономической активности в мирное время со времен Великой депрессии начала 1930-х годов (таблица 1). В этом году мы ожидаем снижение глобального ВВП на 4,9%, мировая торговля сократится на 11,9%, а восстановление выше уровня 2019 года не ожидается до 2021 года. Два года роста можно считать потерянными для глобального развития (IMF, 2020). Больше всего пострадают слаборазвитые страны. Однако малоимущие в странах со средним доходом или с развитой экономикой также подвергаются риску длительного снижения потребления и возможного ухудшения социальных условий.

Глобальный двойной кризис 2020 года ясно показал, что для выживания человечеству необходимы координация, управление и развитие. Первое понимание этой простой идеи произошло полвека назад в Римском клубе. В последнее время оно отразилось на климатической политике, требующей координации энергетического сектора. ЦУР являются проявлением долгосрочной попытки выживания, основанной на некоторых прогрессивных взглядах, имеющейся научной информации и фактическом консенсусе в отношении глобального управления в 2015 году. Последнее больше не работает, поскольку само по себе является источником проблем. Мы также хотели бы отметить, что без дальнейшего развития, институционального строительства, равенства между странами и социального равенства внутри стран международное

сообщество, возможно, не сможет достичь целей Повестки дня на период до 2030 года или другого долгосрочного и важного набора целей. Страны БРИКС важны как движущие силы и тем более как бенефициары глобального прогресса. Важно, чтобы их видение и интересы были учтены в процессе достижения ЦУР.

В этой ситуации роль ЦУР потенциально может стать еще более важной как общей рамочной программы для глобального долгосрочного процветания. Другой комплексной программы выживания человечества и ухода от участи древних племен острова Пасхи не существует. Мы должны работать в рамках ЦУР, чтобы восстановить глобальное сотрудничество во имя процветания. Мы считаем, что пора обратиться к политическим элитам с призывом восстановить глобальное управление (Григорьев и Павлюшина, 2020). Возрождение мировой экономики без сотрудничества в подавлении пандемии и возрождения путешествий и торговли будет трудным, долгим и очень затратным. Теперь на карту поставлено то, как долго продлится рецессия и восстановление, что приведет к еще большим задержкам в достижении всех ЦУР.

Мы считаем, что экономический рост не приносит равенство сам по себе (Григорьев и Павлюшина, 2019). В этом отношении мы поддерживаем тезис Отчета ПРООН за 2019 год: «Ключевая идея 5: мы можем исправить неравенство, если будем действовать сейчас, до того, как дисбаланс в экономической мощи политически укоренится» (ПРООН, 2019, с. 14). Однако мы не считаем, что дисбаланс еще не укоренился в политическом плане. В любом случае экономическое развитие после пандемии и рецессии также должно обеспечивать большее социальное равенство, чем раньше.

Что касается лета 2020 года, мы должны признать несколько реалий. Мы должны решить комплекс проблем, который известен давно. Первая проблема – это относительно слабый потенциал обеспечения соблюдения ЦУР. Во многих важных случаях (целях), результаты (планы или показатели) не могут быть достигнуты без долгосрочного интенсивного сотрудничества, совместного финансирования и четкого определения приоритетов. Пока что история COVID-19 показывает очень ограниченное сотрудничество с большим количеством соперничества, негативными последствиями внутриполитических программ или различных программ развития. Добровольные цели для каждой страны являются естественным решением с политической точки зрения, тогда как в большинстве областей многое зависит от нескольких ключевых стран (по масштабу или возможностям), что значительно повышает их ответственность. В странах БРИКС проживает три миллиарда человек, и в каждой существуют разные пути распространения пандемии COVID-19. Страны БРИКС несут огромную ответственность перед своими гражданами и обладают глобальной способностью преодолеть COVID-19 и рецессию (таблица 1).

Таблица 1.

Страны БРИКС: рост ВВП и интенсивность COVID-19¹

Страна	Темпы роста ВВП (%)		Случаи COVID-19, по состоянию на 25 июля, 2020		
	Год	2019	2020 (прогноз)	(тысяча)	(на 100 тыс.)
Бразилия		1.1	-9,1	2396	1127

¹ Источник: World Economic Outlook Update (МВФ, 2020). <https://coronavirus-monitor.ru>

Страна	Темпы роста ВВП (%)		Случаи COVID-19, по состоянию на 25 июля, 2020	
Россия	1.3	–6,6	813	557
Индия	4.2	–4,5	1394	101
Китай	6.1	1.0	86	5,8
Южная Африка	0,2	–8,0	434	713
США	2.3	–8,0	4315	1303
Соединенное Королевство	1.4	–10,2	314	440
Франция	1.5	–12,5	180	276
Германия	0,6	–7,8	206	247
Италия	0,3	–12,8	245	406
Испания	2.0	–12,8	320	683
Мир	2,9	–4,9	16 245	215

Вторая проблема ЦУР – это большое различие между странами с точки зрения уровней развития, что подразумевает наличие определенного набора инструментов для продвижения вперед на различных стадиях. В период роста 2015–2019 годов происходили медленные изменения (с некоторыми откатами). Сейчас, в драматическое время рецессии, международное сообщество должно прийти к пониманию того, как достигнутый уровень социально-экономической системы влияет на снижение экономической активности, адаптацию к инфекциям и изменениям, пути восстановления и дальнейшего развития в новых условиях.

Мы видим третью проблему, которая рано или поздно должна выявиться и будет решаться в контексте ЦУР, – совместимость достижения различных целей. Эту проблему можно трансформировать в вопрос: как можно одновременно решать разные задачи развития при наличии несовершенных институтов и бюджетных ограничений?

2. Развитие после подписания Парижского соглашения: Разнообразие стран БРИКС

Пришло время оглянуться на 2016–2019 годы – короткий период реализации ЦУР. Была ли их реализация успешной до COVID-19? В 2020 году мир стал ещё более нестабилен по двум основным причинам: пандемия и шок цен на нефть. Шансы стран на достижение своих национальных добровольных целей продолжают уменьшаться. Достижение ЦУР как программных показателей к 2030 году кажется все более проблематичным.

Страны БРИКС принимают активное участие в поддержке реализации концепции устойчивого развития как консенсусной парадигмы человеческого развития в XXI веке (Бобылев, 2017). Об этом свидетельствует тот факт, что крупнейшие саммиты ООН по устойчивому развитию проходили в мегаполисах стран БРИКС: Рио-де-Жанейро (Конференция ООН по окружающей среде и развитию, 1992 и 2012 годы) и Йоханнесбурге (2002 год). Перечень принятых всеми странами концептуальных документов ООН в области устойчивого развития, которые определяют будущее человечества в XXI веке, включает в себя:

– «Будущее, которое мы хотим» (Рио-де-Жанейро, 2012), который определяет перспективы человечества в XXI веке на основе концепции устойчивого развития (Генеральная Ассамблея ООН, 2012);

- «Преобразование нашего мира» (Нью-Йорк, 2015), в котором определены цели в области устойчивого развития на 2016–2030 годы (Генеральная Ассамблея ООН, 2015);
- Парижское соглашение об изменении климата (2015), устанавливающее приоритеты международного сообщества в области стабилизации климатической системы и снижения потерь от изменения климата (ООН, 2015).

Мировая рецессия и COVID-19 изменяют акценты концепции устойчивого развития. Сложившаяся ситуация требует определенного переосмысления системы ЦУР, её целей и показателей, а также конкретной трансформации системы в целом. К концу 2019 года коллапс глобального управления, усиление санкций и эскалация торговых конфликтов практически подавили совместную деятельность людей по всему миру. Уровни накопления капитала, а также инвестиций в основной капитал были ниже, чем до Великой рецессии 2008–2009 годов (Григорьев, Макарова, 2019). В то время как Европейский Союз был сосредоточен на проблемах климата и парниковых газов, проблема энергетической бедности в развивающихся странах недооценивалась.

«Повестка дня 2030» (2015) стала неадекватна реальной ситуации в мире, особенно в части здоровья (ЦУР-3), голода (ЦУР-1), неравенства (ЦУР-10), энергии и климата (ЦУР-7 и 13), а также институтов и содействия развитию (ЦУР-16 и 17). С учетом ограниченности рамок статьи подходы к трансформации ЦУР будут рассмотрены только на двух направлениях: скорейшего решения проблем здоровья и адекватного учета ценности человеческой жизни в связи с новой реальностью, вызванной COVID-19; коррекции Целей, связанных с долгосрочными тенденциями перехода мировой экономики на низкоуглеродные тренды развития, вызванных климатическими изменениями. Помимо коррекции Целей, авторы также предлагают изменение методики включения индикаторов в ЦУР: введение новых важных для устойчивости индикаторов, которых сейчас нет в ЦУР, и инкорпорацию сквозных ключевых индикаторов для ЦУР, как новых, так и уже имеющихся.

В целом новая реальность показывает, что, не меняя общего курса человечества на устойчивое развитие можно столкнуться с катастрофическими последствиями, настала пора коррекции целей такого курса и соответствующей системы индикаторов. Особенно важно учитывать специфику разработки, адаптации и реализации ЦУР в странах БРИКС. В целом для реализации и коррекции ЦУР странами БРИКС можно выделить три главных направления деятельности по «Повестке 2030», предложенных для Политического Форума высокого уровня по устойчивому развитию Европейской экономической комиссией (ООН, 2017):

- адаптация целей в области устойчивого развития к национальным и местным условиям;
- субрегиональное сотрудничество в интересах достижения ЦУР;
- сбор данных и осуществление контроля.

Традиционно ЦУР рассматриваются как сбалансированная система социальных, экономических и экологических целей, задач, индикаторов. Само появление ЦУР во многом связано с очевидной «неустойчивостью» развития человечества. Несмотря на очевидные успехи в мире в начале 2000-х годов, многие глобальные и национальные проблемы сохранились и обострились. На планете огромны масштабы нищеты. Растет разрыв между бедными и богатыми во многих странах, а также в доходах населения развитых и развивающихся стран; обостряются экологические проблемы, в частности климатические, доступ населения к чистой воде,

и многие другие. К 2019 году уровень бедности оставался высоким (Григорьев, Павлюшина 2018, 2019).

Сейчас ЦУР начинают изучать уже со школы во многих странах мира, проводятся тысячи конференций, подавляющее большинство правительств и парламентов мира проводят большую работу по их адаптации к национальным особенностям. На наш взгляд в мире, в том числе в странах БРИКС, зачастую можно видеть достаточно поверхностное отношение к ЦУР. Цели и их социо-эколого-экономические компоненты воспринимаются как некие части пазла, которые можно складывать довольно произвольно, без жесткой взаимозависимости и взаимодополняемости этих частей. То есть сочетание социальных, экономических и экологических ЦУР может быть достаточно субъективно. На самом деле складывающиеся новые реалии заставляют складывать пазл ЦУР строго определенным способом. В соответствии с обязательствами, взятыми странами в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятой в 2015 году, все эти государства должны разработать свои стратегии выполнения общих обязательств и выделить основные векторы достижения наиболее важных «сквозных» индикаторов. Ожидается, что все страны отчитаются за свою работу к 2020 году, показывая прогресс, достигнутый с 2015 года, и скорость, с которой они продвигаются к своим целям, которые должны быть достигнуты в 2030 году. Страны БРИКС представили добровольные национальные обзоры выполнения Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Обзоры существенно различались: страны в разной степени проработали проблемы устойчивого развития. Объективные различия между странами определили направленность их национальных целей.

Некоторые страны представили два обзора: сначала предварительный, затем основной. Такие страны, как Индия (2017 и 2020), Китай (2016 и 2021), Бразилия (2017) и Южная Африка (2019) опубликовали свои национальные документы. Россия представила обширный добровольный национальный обзор в июне 2020 года (ООН, 2020), а 21 июля 2020 года Президент Российской Федерации подписал «Указ о национальных целях развития России до 2030 года»². Следует отметить, что комплексность целей, интенсивность их реализации, а также прогресс в их достижении в последние годы существенно различались.

В научном плане ЦУР являются наследниками Целей развития тысячелетия (Millennium Development Goals) (ЦРТ), принятых ООН в 2000 году, и об этом часто забывается (UN General Assembly, 2000). ЦРТ были рассчитаны на период 2000–2015 годов, и ЦУР с периодом реализации с 2016 по 2030 год просто пролонгировали в более расширенном варианте концепцию ЦРТ. В ЦРТ были заложены методические основы, которые в расширенном варианте были повторены в ЦУР: трехуровневая фигурация «цель – задачи – индикаторы»; каждой задаче может соответствовать несколько индикаторов; индикаторы преимущественно должны иметь количественное выражение; целевые индикаторы имеют конкретный срок реализации – для ЦРТ 2015 год, для ЦУР – 2030 год. Если в методическом плане ЦРТ и ЦУР достаточно схожи, то общая идеология ЦУР гораздо масштабнее. ЦРТ носило прежде всего социальный характер: из восьми его Целей шесть были социальными, и они фактически были повторены в ЦУР в несколько иной интерпретации; одна Цель в ЦРТ была экологическая (Экологическая устойчивость), которая в ЦУР была конвертирована в несколько Целей; и одна Цель в ЦРТ была институциональной (Глобальное партнерство), что трансформировалось в две Цели в

² <http://kremlin.ru/events/president/news/63728>

ЦУР (Устойчивое общество и Глобальное партнерство). Существенным увеличением количества ЦУР стало включение в гораздо более расширенном варианте экономических Целей. Соответственно в целом масштабы «Повестки дня 2030» на период 2016–2030 годов резко расширились: по сравнению с ЦРТ ЦУР содержит более чем в 2 раза больше целей, почти в 10 раз больше задач и почти в 5 раз больше индикаторов (UNDP, 2010; Аналитический центр, 2016)³.

В отличие от ЦРТ, направленных в основном на развивающиеся страны, ЦУР предназначены для всех стран с определенными вариациями и национальными особенностями [Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. UN, 2015]. Поэтому ЦУР представляют важный шаг вперед по созданию устойчивого будущего во взаимозависимом мире. В настоящее время страны БРИКС (впрочем, как подавляющее большинство стран) не имеют полноценного набора статистических показателей для отражения всех индикаторов ЦУР. Особые сложности возникают при попытке их дезагрегации по ключевым параметрам, которые предложены ООН: по уровню дохода, по признаку пола, по возрасту, расовой и этнической принадлежности, миграционному статусу, по фактору инвалидности и географическому местоположению или по другим характерным признакам в соответствии с основополагающими принципами официальной статистики.

3. Разные стадии развития: Проблемы и преимущества для стран БРИКС

Обратимся теперь к ближайшим задачам развития стран БРИКС и их различиям. Обычно мы обсуждаем близость нашего подхода к мировым вопросам в международной политике, особенно в международной финансовой архитектуре, торговле, инвестициях и так далее. В состав БРИКС входят многообразные страны, которые «догоняют» более развитые экономики. В эпоху стремительных технологических изменений нам необходимо адаптировать наши стратегии развития к новым реалиям. Если они будут успешны, у развивающихся стран и стран со средним уровнем дохода будет реальная стратегия достижения успеха в развитии. Существует обширная литература о различиях между странами БРИКС и их общих интересах в «наверстывании» и создании более адекватного глобального управления (Григорьев и Морозкина, 2012; 2013).

В этой статье нет места для обсуждения различных этапов долгосрочного развития стран БРИКС. Пять стран, а также многие страны с похожим уровнем доходов и развития находятся на разных стадиях промышленного развития на пути к постиндустриальному обществу. Забегая вперед, мы осознаем общие интересы в мировых делах и широкий спектр возможных сфер сотрудничества. В некоторой степени у нас были возможности подчеркнуть «схожесть в неравенстве» в вопросах БРИКС. Наши страны унаследовали от прошлого

³ Тема адаптации ЦРТ к национальным и местным особенностям России была подробно проанализирована в Национальном отчете о человеческом развитии в Российской Федерации, представленном Программой развития ООН в 2005, 2007 и 2010 годах, который был составлен при участии одного из авторов – С. Бобылева (ПРООН, 2010). Адаптация ЦУР к российским условиям и особенностям впервые была представлена в «Национальном отчете о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН в России» под редакцией С. Бобылева и Л. Григорьева и опубликована в 2016 году. Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации (Аналитический центр ..., 2016).

неравенство между городом и деревней, социальное неравенство, проблемы с образованием и существенные экологические проблемы (таблица 2).

Таблица 2.

Ключевые индикаторы ЦУР для стран БРИКС, как указано⁴

Страна	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, 2018	Неравенство (доля дохода за 10 дециль, %) 2016	Индекс Человеческого Развития (ранг), 2018	ВВП (на душу населения, п.п., тыс. Международных долларов) 2016	Загрязнение атмосферного воздуха малыми взвешенными частицами PM _{2,5} (среднегодовое воздействие, микрограмм на кубический метр)	Выбросы углекислого газа (на душу населения, метрические тонны)? 2014	Экспорт чистых выбросов CO ₂ (% выбросов страны)	Скорректированные чистые накопления (% от ВВП), 2018	Индекс ЦУР (ранг)
Бразилия	75,7	40,7	0,761 (79)	14,1	11	2,5	-2,9	5,3	53
Россия	72,4	29,8	0,824 (49)	25,0	17	12,5	21,6	8,4	57
Индия	69,4	32,2	0,647 (129)	6,2	74	1,6	6,1	18,5	117
Китай	76,7	29,8	0,758 (85)	14,3	58	7,6	14,1	19,9	48
Южная Африка	63,9	51,3	0,705 (113)	12,3	30	8,8	24,3	1,0	110

Экономический рост зависит от внутренних институтов и внешней среды. Страны ОЭСР прошли через эти этапы полвека назад. Не существует «простой» теории перехода от «ловушек среднего дохода» к стабильному демократическому обществу с ВВП более 30 тысяч долларов на душу населения. Используя «наилучшие доступные институты» и политику, БРИКС может стремиться к достижению целей в области устойчивого развития, «догоняя» прогресс роста. Потребуется лучшая координация усилий и политики в области торговли, инвестиций, образования, НИОКР. Человеческий капитал растет (таблица 3).

⁴ Источник: (Макаров, Соколова, 2017), (Sachs et al., 2020), (ООН, 2019), (Всемирный банк, 2019).

Таблица 3.

Персональное образование в странах БРИКС, 2016 г.⁵

Страна	Физические лица, пользующиеся Интернетом (%)		Валовой коэффициент охвата высшим образованием (%)	
	2008	2016	2008	2016
Бразилия	34	61	35,6	50,6
Китай	23	53	20,7	48,4
Индия	4	30	15,1	26,9
Россия	27	73	75,0	81,8
Южная Африка	8	54	–	19,8

Мы не намерены давать четкие определения этапов развития каждой страны БРИКС. Но можем сделать краткие замечания о специфике ситуации в каждой стране. В Южной Африке спрос на образование является ключевой отправной точкой для развития производительности и роста среднего класса, однако потребуются время и инвестиции, чтобы вырасти из глубоко разделенного индустриального общества с самым высоким зарегистрированным уровнем социального неравенства.

Китайская система массового производства и экспорта вывела огромное население Китая из бедности за 40 лет централизованного планирования, трансформировавшегося в рыночный процесс принятия решений, конкуренцию и общество потребления, основанное на индустриальном обществе как таковом. Неравенство является важной особенностью этого общества (Jain-Chandra и др., 2018), и переход в постиндустриальное общество требует времени и институциональных изменений.

Структура индийской экономики очень специфична и основана на услугах и сельском хозяйстве, с большим потоком финансов от индийских рабочих-мигрантов за рубежом. Это промышленный этап (с огромным дефицитом инфраструктуры и энергии) в не очень сильном секторе услуг. Сегменты торговли, ремонта, гостиниц и ресторанов остаются крупнейшими поставщиками услуг.

Бразильская экономика все еще пытается оправиться от кризисов 2009 и 2015 годов. Предыдущий успех дал важный толчок её развитию, но не обеспечил сильных конкурентных возможностей. Высокий уровень неравенства не позволяет экономике развиваться в более стабильное состояние, в то время как демократия пережила цепь недавних социально-экономических (и коррупционных) потрясений.

Российская экономика все еще борется со специфическими проблемами переходного периода 1990-х годов, возможно, больше, чем с проблемами советского прошлого. Россия обладает уникальными материалами и высокими технологиями, а также сильным человеческим

⁵ Источник: WDI, Всемирный банк.

капиталом, однако слабые институты оставляют их в значительной степени недоиспользованными.

Страны БРИКС нуждаются в хорошей глобальной среде с предсказуемым управлением, улучшенными внутренними институтами и сильным акцентом на искоренение неравенства. ЦУР для всех стран разные, но многие проблемы и интересы общие (Курдин, Шаститко, 2020). Успех стран БРИКС в достижении ЦУР является важной предпосылкой для глобального успеха, стабильности и прогресса.

4. ЦУР и низкоуглеродное развитие

Мировая экономика и экономики многих стран все более ощущают экологические риски и угрозы, в том числе связанные с изменением климата. Это было признано ведущими учеными, политической и деловой элитой мира на престижном Давосском экономическом форуме в январе 2020 года. В ежегодных Докладах форума выделяется пять типов глобальных рисков: экономические, экологические, геополитические, социальные и технологические (WEF, 2020). Если в Докладе 2007 г. среди пяти приоритетных рисков было три экономических (шок нефтяных цен, перегрев китайской экономики, раздутые цены активов), один технологический (деградация инфраструктуры), один социальный (хронические болезни) и совсем не было экологических рисков, то в 2020 году все пять рисков были эколого-климатическими (экстремальные погодные явления, неудача климатических действий, природные катастрофы, потери биоразнообразия, природные катастрофы антропогенного происхождения) (WEF, 2020).

Между тем прокламируемая странами-членами ООН в Парижском соглашении борьба с климатическими изменениями, намерение многих стран, в том числе Китая и России, перейти на низкоуглеродную траекторию развития, к низкоуглеродной экономике неадекватно отражены в ЦУР.

В современном виде ЦУР-13 «Принять срочные меры по борьбе с изменением климата и его последствиями» производит странное впечатление из-за отсутствия важных для принятия решений и мониторинга изменения климата индикаторов. В целом в системе ЦУР важнейший показатель выбросов парниковых газов используется прямо или косвенно всего два раза: в ЦУР-13 индикатор 13.2.2 (совокупный годовой объем выбросов парниковых газов) и в ЦУР-9 (инфраструктура, индустриализация и инновации) индикатор 9.4.1 (выбросы CO₂ на единицу добавленной стоимости).

Для Цели 13+ авторы – по аналогии с ЦУР-3+ – предлагают новые и дополнительные сквозные ключевые индикаторы:

- выбросы CO₂ по секторам экономики (млн т). Для стран БРИКС это существенно в связи со значительным развитием энергетического сектора;
- выбросы CO₂ на душу населения (т). Для стран БРИКС с огромным населением это важно;
- сравнение изменений выбросов CO₂ для всех стран в секторах «производство» и «потребление» (%) (Макаров и Соколова, 2017);
- поглощение парниковых газов лесами (млн т). Странам БРИКС принадлежит крупнейший массив лесов мира, составляющий около 40% лесопокрытой территории планеты.

Этот массив существенно влияет на регулирование климатической системы Земли. Данный индикатор может быть сквозным и использоваться для ЦУР-15 (Экосистемы суши);

- поглощение/выбросы парниковых газов сельским хозяйством (млн т). Страны БРИКС имеют огромный массив сельскохозяйственных угодий, и управление им оказывает существенное климатическое воздействие. Индикатор может быть сквозным для ЦУР-2 (Борьба с голодом и устойчивое сельское хозяйство);

- энергоёмкость, рассчитываемая как отношение расхода первичной энергии к ВВП. Это сквозной индикатор, сейчас он используется в ЦУР-7 (Энергия) (7.3.1). Энергоёмкость отражает важные социальные (здоровье и др.) и экологические (климат и др.) проблемы. В целом этот индикатор может быть сквозным для ЦУР-3 (здоровье), ЦУР-7 (устойчивая энергия), ЦУР-8 (рост и занятость), ЦУР-11 (устойчивые города), ЦУР-12 (модели потребления и производства), ЦУР-13 (климат);

- углеродный след (млн т CO₂ и как сальдо между выбросами от производства и потребления (в процентах)) (см. таблицу 2). Это важный климатический индикатор, отражающий воздействие отдельных стран на климатическую систему через собственные выбросы и импортируемую продукцию. Сейчас страны БРИКС, несмотря на значительные выбросы парниковых газов внутри стран, экспортируют значительную часть углеродоемкой продукции в основном в развитые страны. То есть ответственность за эмиссию CO₂ ложится и на импортера, в основном это развитые страны ОЭСР: для пяти стран БРИКС показатель чистого экспорта выбросов в процентах от выбросов стран составляет 13,5%, для стран ОЭСР эта величина отрицательна – 13% (OECD, 2020). Индикатор углеродного следа может быть сквозным и использоваться для ЦУР-12 (Устойчивые модели потребления и производства);

- выбросы CO₂ на единицу добавленной стоимости. Этот показатель уже упоминался выше как индикатор 9.4.1 в ЦУР-9. Он важен с позиций технологических сдвигов к более высокотехнологичным отраслям. Его целесообразно сделать сквозным и включить в ЦУР-13+;

- интегральный индекс скорректированных чистых накоплений (Adjusted Net Savings Index). Этот показатель рассчитывается World Bank и ежегодно публикуется в справочнике показателей мирового развития (World Development Indicators) (World Bank, 2019) (см. таблицу 2). Этот индекс отражает важные аспекты устойчивого развития: затраты на образование, истощение природных ресурсов (включая энергетические), воздействие на окружающую среду и здоровье (выбросы CO₂ и PM_{2,5}). Индекс скорректированных чистых накоплений может быть сквозным ключевым для ЦУР-3, ЦУР-4, ЦУР-7, ЦУР-8, ЦУР-9, ЦУР-11, ЦУР-12, ЦУР-13, ЦУР-15.

Таким образом, переход к низкоуглеродному развитию, учет эколого-экономических и климатических задач в ЦУР должны предусматривать модификацию, включение новых и сквозных ключевых индикаторов и охват по крайней мере ЦУР-3, ЦУР-4, ЦУР-7, ЦУР-8, ЦУР-9, ЦУР-11, ЦУР-12, ЦУР-13, ЦУР-15.

5. Глобальные кризисы 2020 года и человеческое развитие

Мы очень обеспокоены состоянием глобального мира и его стабильностью. Глобальное управление находится в беспорядке, и сейчас мы не наблюдаем коллективных усилий по исправлению этой ситуации. Тем не менее мы должны признать нехватку ресурсов для борьбы с пандемией COVID-19 и стабилизации стран, пострадавших от рецессии как развитых, так и

развивающихся. В период 2020–2021 годов появилась сложная задача по обеспечению выживания миллионов людей, страдающих от бедности или инфекции, на основе долгосрочных решений и скоординированного подхода. Восстановление роста потребует времени и ресурсов, которые в другом случае можно было бы использовать для реализации ЦУР.

В период с 2015 по 2020 год глобальная повестка дня радикально изменилась: от долгосрочного скоординированного процветания до 2030 года со средним ростом ВВП примерно на 3% и усилиями по достижению 17 ЦУР к более пристальному вниманию к предотвращению изменения климата. Последнее, очевидно, находится в центре политики ЕС, продвигаемой Международным энергетическим агентством, и было поддержано специальным соглашением в Париже в 2015 году. Влияние рецессии и пандемии COVID-19 на реализацию ЦУР неодинаково. Мы рассматриваем Соглашение о ЦУР как координирующий инструмент для решения проблем человечества. Сегодня мы видим необходимость своего рода конкордата между насущными проблемами и общими положениями ЦУР. Следует подчеркнуть, что вышеупомянутый взаимосвязанный характер некоторых «соединительных» ЦУР способствуют созданию синергии в реализации конкретных, отдельных ЦУР (Бобылев, Соловьёв, 2017).

Новая ситуация в мире требует трансформации самой системы ЦУР с учетом новых теоретических акцентов. Прежде всего эта трансформация должна быть ориентирована на человеческое развитие. Концепция человеческого развития возникла в структурах ООН более 40 лет назад, она стала официальной для ООН, с 1990 года ежегодно издаются глобальные Доклады по человеческому развитию. Огромный вклад в теоретическое обоснование человеческого развития внес лауреат Нобелевской премии Amartya Sen (Sen, 1990). В этой области также нужно отметить работы К. Griffin и Т. McKinley (Griffin, McKinley, 1994). Однако во многом эта концепция остается декларативной, без широкого спектра поддержки со стороны лиц, принимающих решения, научных исследований, экономической науки, общественности. В существенной степени, на наш взгляд, это связано с абсолютизацией экономического роста, для обоснования которого используется теория человеческого капитала, который во многом базируется на способности человека к труду, совокупности знаний и квалификации (Schultz, 1960). И глобальный политический и научный экономический мейнстрим явно находится на стороне человеческого капитала, хотя по ряду позиций он противоречит теории человеческого развития. Достаточно только вспомнить о лицах 65+, маленьких детях, домохозяйках и т.д., которые не дают дохода и прибыли, что является родовым признаком любого капитала (в том числе физического и природного).

Но вот пришел COVID-19. И его последствия могут привести к новому взгляду на имплементацию и измерение экономической политики для реализации ЦУР. Сейчас человечество столкнулось с доселе невиданной ситуацией, когда практически все страны мира пожертвовали традиционным экономическим ростом ради сохранения человеческих жизней. То есть ценность жизни стала абсолютным приоритетом. Но тогда и измерять развитие надо по-другому. С позиций ценности человеческой жизни чем отличается борьба с COVID от реализации различных экономических сценариев, учитывающих, например, экологическую компоненту? Да ничем. Например, по данным ВОЗ в Китае житель мегаполиса живет на 5–6 лет меньше по сравнению с китайцем, живущим в чистой местности. На такую разницу влияет и сжигание угля, и транспортное загрязнение. Поэтому для многих стран традиционные энергетические сценарии, базирующиеся на угле, опасны не только с позиций климатических изменений, но и с позиций рисков преждевременной смертности и заболеваемости. Как считают медики,

самый опасный загрязнитель – мелкодисперсные твердые взвешенные частицы диаметром меньше 2,5 микрон (PM 2,5), которые обильно продуцируются отраслями и видами деятельности, связанными с углем (добыча, сжигание, транспортировка и т.д.). И в медицинском контексте уголь страшнее для человека с позиций ежегодных величин смертности, чем COVID-19. Просто для угля смертность и заболеваемость растянуты во времени, а для COVID-19 практически одномоментны. Таким образом, для сценариев развития надо считать риски дополнительной смертности по многим параметрам, в том числе и из-за загрязнения окружающей среды. Это сложные оценки, но современная наука на основе концепции риска уже может это делать. И еще раз подчеркнем, что показатели смертности от загрязнения PM 2,5 для таких стран БРИКС как Китай, Индия, Россия, Южная Африка вероятно гораздо выше, чем потери жизней от COVID-19 (см. таблицу 2).

Однако если подобные утверждения верны, то и ЦУР надо пересматривать с позиций ценности человеческой жизни, а не абсолютизации экономического роста. И здесь, на наш взгляд, ЦРТ были более просты и понятны в контексте теории человеческого развития, чем ЦУР.

С учетом большой вероятности второй волны COVID или новых эпидемий необходимо усилить контекст ценности человеческой жизни в ЦУР. Здесь возможно несколько вариантов с учетом потенциальной коррекции нескольких ЦУР. В качестве модификации можно предложить как минимум два варианта: трансформировать ЦУР-3 (Здоровье) и добавить индикаторы, связанные со здоровьем, из других Целей или сделать дополнительную ЦУР с учетом ценности человеческой жизни, риска эпидемий и новых болезней.

Вариант трансформации и изменения названия ЦУР-3 является более простым, он не требует новых длительных согласований, компромиссов развитых и развивающихся стран в случае появления дополнительной Цели. Хотя с точки зрения устойчивого развития как главной парадигмы развития человечества в XXI веке, а не только до 2030 года, четкое проklamирование ценности человеческой жизни в отдельной Цели было бы более конструктивно. Для формулирования такой Цели требуется не только учесть фактор здоровья (ЦУР-3), но и учесть многие социально-экономические реалии, включая, например, острейшую проблему неравенства (ЦУР-10).

Сейчас борьба с эпидемиями содержится в ЦУР-3 в задаче 3.3 «К 2030 году положить конец эпидемиям СПИДа, туберкулеза, малярии и тропических болезней, которым не уделяется должного внимания, и обеспечить борьбу с гепатитом, заболеваниями, передаваемыми через воду, и другими инфекционными заболеваниями» (UNDP, 2015). Стоит напомнить, что в ЦРТ борьба с эпидемиями была выделена в специальную Цель 6 «Борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и другими заболеваниями». Нынешнее название ЦУР-3 – «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» – кажется слишком ограниченным для новых реалий. Исходя из ЦРТ-6, название ЦУР-3 можно было бы преобразовать в следующее: «Обеспечение здорового образа жизни и снижение риска эпидемий и других заболеваний».

ЦУР-3+ и связанные с ней Цели необходимо дополнить индикаторами, отражающими здоровье и ценность человеческой жизни. Эти индикаторы могут быть как новыми, так и сквозными, взятыми из других ЦУР. Это принципиальный методический момент. Классические ЦУР содержат пересекающуюся систему индикаторов, что на наш взгляд обедняет

потенциал реализации Целей. Мы предлагаем использовать систему сквозных ключевых индикаторов, каждый из которых мог бы присутствовать и участвовать в мониторинге нескольких ЦУР.

В качестве новых индикаторов можно предложить:

- ожидаемая продолжительность жизни (долголетие, лет). Это ключевой индикатор для человеческого развития. Непонятно, почему он первоначально не был включен в ЦУР;
- затраты в медицину (в процентах к ВВП или в процентах к государственным расходам). Сейчас аналогичный показатель удельного веса затрат в ВВП широко используется для образования. COVID-19 показал слабость всех стран мира, включая развитые, в противодействии пандемии, что объективно требует роста затрат в медицину;
- количество мест в больницах (на 10000 человек). Страшные картины людей, лежащих на полу в больницах, или больных, ждущих в огромных очередях перед госпиталями, показали огромный дефицит мест для размещения больных. Необходимо существенное увеличение возможностей медицинских учреждений по приему людей для стационарного лечения;
- индекс человеческого развития (human development index) (ИЧР). Этот индекс является интегральным, он критически важен для оценки социальной компоненты устойчивого развития, включая здоровье и уровень образования. ИЧР может быть сквозным и использоваться также для социальной ЦУР-4 (образование), экономической ЦУР-8 (содействие устойчивому экономическому росту, занятости и работе). Для стран БРИКС этот индекс представлен в таблице 2.

В ЦУР-3+, наряду с новыми индикаторами, целесообразно включить и показатели из других ЦУР, которые могут быть сквозными. Так, в ЦУР-3 уже включены индикаторы здоровья, отражающие экологические аспекты устойчивости: «смертность от загрязнения воздуха в жилых помещениях и атмосферного воздуха» (индикатор 3.9.1) и «смертность от отсутствия безопасной воды, безопасной санитарии и гигиены» (индикатор 3.9.2). Как отмечалось выше, критически важным для заболеваемости и смертности является содержание в воздухе твердых взвешенных мелкодисперсных частиц. В странах БРИКС сложилась тяжелая ситуация в области загрязнения этими частицами (таблица 2). Особенно высок уровень эмиссий PM_{2,5} в Индии и Китае, что вызывает значительное количество заболеваний и смертей в этих странах. Сейчас этот индикатор содержится в ЦУР-11 (устойчивые города): «среднегодовой уровень содержания мелких твердых частиц (например, класса PM_{2.5} и PM₁₀) в атмосфере городов (в пересчете на численность населения)» (индикатор 11.6.2). Целесообразно сделать этот показатель сквозным и включить в ЦУР-3+. Также он должен присутствовать как минимум еще в двух ЦУР – ЦУР-7 (энергия) и ЦУР-13 (климат), что связано с масштабной добычей и сжиганием в мире высокоуглеродного и высокоэмиссионного угля. Преобразованную ЦУР-3 можно определить как ЦУР-3+, как это уже было сделано при адаптации ЦРТ к национальному уровню.

Огромное число людей в мире болеет и умирает от дефицита и загрязнения водных ресурсов (ЦУР-6). Число таких людей оценивается ООН в 2,2 млрд чел. (UN, 2020b). Два индикатора из этой Цели также целесообразно сделать сквозными и использовать для ЦУР-3+: 6.1.1 (Доля населения, пользующегося услугами водоснабжения, организованного с соблюдением требований безопасности); 6.2.1 (Доля населения, использующего а) организованные с

соблюдением требований безопасности услуги санитарии и б) устройства для мытья рук с мылом и водой). В контексте COVID-19 последний индикатор критически важен для борьбы с эпидемиями, сейчас 3 млрд чел. в мире не имеют ни воды, ни мыла (UN, 2020b).

Сейчас в ЦУР-3 содержится индикатор, который целесообразно сделать сквозным и включить в ЦУР-17 (Глобальное партнерство): «общий чистый объем официальной помощи в целях развития, направленной на медицинские исследования и в основные отрасли здравоохранения» (индикатор 3.b.1). Однако в данной формулировке он представляется слишком узким. В ЦУР-3+ и в ЦУР-17 данный показатель предлагается представить в следующем изложении: «общий чистый объем официальной помощи в целях развития, направленной на борьбу с эпидемиями и другими заболеваниями, медицинские исследования и в основные отрасли здравоохранения».

Глобальное развитие представляет собой сочетание сложных социально-экономических факторов и характеристик, некоторые из которых постоянно меняются, а некоторые, наоборот, постоянны. Среди широко обсуждаемых черт современного общества можно отметить разные виды неравенства. Снижение неравенства входит в цель ЦУР 10. В XXI веке, неравенство между странами сокращается очень медленно (если вообще сокращается), особенно исключая фактор Китая и Индии. Общие факты свидетельствуют в пользу глобальной координации инвестиций в физическую инфраструктуру и человеческий капитал для обеспечения самодостаточности роста. Социальное неравенство растет в верхней части шкалы (10-й дециль, 100-й процент и т.д.). Перераспределение доходов (потребления) в пользу нижних слоев улучшило коэффициенты Джини, но не «социальную дистанцию» между богатыми и бедными, или нижними и средними слоями. В случае двойного удара – пандемии и серьезной рецессии – это создает риск социальной нестабильности и фактически задерживает успех в достижении ЦУР.

Различные аспекты проблемы неравенства между странами обсуждалась не раз (Григорьев и Павлюшина, 2018). Здесь мы можем предложить некоторые индикаторы для мониторинга успеха в сокращении неравенства между странами (Григорьев и Павлюшина, 2018), такие как: (10a) – сокращение разброса между 20 развитыми странами и другими странами, рассчитанное с шагом в 10 лет.

Растущее социальное неравенство в мире было центральным предметом дискуссий в последние годы (Григорьев и Павлюшина, 2019, 2020). Текущий кризис делает его особенно заметным и сейчас проблема социального неравенства решается на очень высоком международном уровне (Guterres, 2020). Мы предлагаем подход с некоторыми количественными параметрами для рассмотрения: (10b) – рост доли дохода (потребления), приходящаяся на беднейший 1-й квинтиль для тех же групп стран, рассчитанная с пятилетним шагом; (10c) – уменьшающаяся доля дохода состоятельных граждан в 5-м квинтиле, рассчитанная с пятилетним шагом (для уровней выше 45%).

Число самоубийств и убийств следует классифицировать как неблагоприятный показатель, связанный с социальным неравенством (ЦУР-10): в частности, убийства связаны с бедностью в странах с низким и средним доходом на душу населения, а самоубийства – с высокими и выше среднего доходами в странах (Григорьев и Поповец, 2019).

Мы хотели бы выделить новый интегральный Индекс человеческого развития (ИЧР), предложенный в качестве индикатора для достижения ЦУР. Формирование ИЧР восходит к

1990 году. Сейчас этот индекс регулярно публикуется в «Докладах о человеческом развитии» (Human Development Report) на глобальном и национальном уровнях (включая Россию). С точки зрения идеологии, этот индекс был разработан, чтобы противостоять показателю ВВП, который слишком сфокусирован на экономических показателях страны и игнорирует другие важные экономические и социальные характеристики. С точки зрения устойчивости ИЧР в первую очередь отражает социальную составляющую: здоровье (долголетие) и уровень образования. Третий субиндекс ИЧР отражает достигнутый уровень экономического развития – ВВП / ВНД на душу населения. Экологический компонент скрыт в ИЧР, поскольку он является частью индекса ожидаемой продолжительности жизни (используется для оценки вреда для здоровья и долголетия, вызванного загрязнением окружающей среды). Согласно существующим исследованиям и данным ВОЗ, ущерб от загрязнения окружающей среды в странах БРИКС составляет несколько лет потерянных жизней для подавляющего большинства граждан, особенно тех, кто живет в загрязненных городах.

В настоящее время существует множество модификаций ИЧР, которые включают гендер, неравенство, более подробные аспекты образования и т. д. (ООН, 2019). Одним из важных преимуществ ИЧР является то, что он уделяет больше внимания оценке социальных аспектов по сравнению с экономическими. Например, страны с высоким уровнем ВВП, но низкой продолжительностью жизни оцениваются ниже, чем страны с высокой продолжительностью жизни. В рейтинге ИЧР Россия входит в число стран с очень высоким уровнем человеческого развития и занимает 49-е место; а Бразилия (79-е место), Китай (85-е место), ЮАР (113-е место) – в списке стран с высоким уровнем человеческого развития; Индия (129-е место) относится к числу стран со средним уровнем человеческого развития (см. таблицу 2). Однако, на наш взгляд, ИЧР в целом не может адекватно отражать устойчивость развития, поскольку не может решать многомерные проблемы устойчивости, в частности, экологические.

Еще один связующий индекс ЦУР, который можно использовать, был разработан известными экономистами Дж. Д. Саксом, Г. Шмидт-Траубом и др. (Sachs et al., 2020). Этот индекс был представлен на Политических форумах ООН в 2016 и 2017 годах. Индекс ЦУР охватывает все 17 ЦУР, он является статистически значимым, и большинство стран мира предоставляют статистические базы данных для его расчета. Китай занимает самое высокое положение среди стран БРИКС – 48 место, Бразилия и Россия находятся на близком расстоянии (53 и 57 места соответственно), а Индия и Южная Африка находятся в нижней середине рейтинга – 117 и 110 места (см. таблицу 2). Ограничениями Индекса ЦУР является противоречивый характер выбора некоторых его показателей и их количественной оценки. В целом, индекс отражает лишь положение страны в рейтинге и его динамику, не обращая внимания на взаимодействие механизмов, которые должны обеспечивать достижение конечных целей.

Таким образом, если необходимо учитывать такие параметры, как ценность жизни и здоровья человека, то существующие индикаторы следует модифицировать и включать в систему новые, связывающие индикаторы, по крайней мере, это касается ЦУР-3, 4, 6, 8, 11, 17.

6. Заключение. «Пандемический протокол»

В долгосрочной перспективе модификация ЦУР может стать одним из вариантов дальнейшего развития для международного сообщества. И непростой 2020 год - подходящее

время, чтобы начать обсуждение этого вопроса. Однако сейчас мы не призываем к пересмотру ЦУР. Настало время для срочных мер по борьбе с пандемией и рецессией, но пересмотр ЦУР требует сложного многостороннего переговорного процесса. В качестве второго наилучшего подхода мы предлагаем создать некое дополнение к ЦУР в виде протокола, разъясняющего насущные потребности и приоритеты во время пандемии и рецессии. Такой подход может служить руководством для всех стран по координации стабилизации системы здравоохранения и инициированию восстановления в рамках долгосрочных решений ЦУР.

ЦУР-1. Принять меры по обеспечению поддержки населения наименее развитых стран, страдающих из-за исчезновения традиционных источников дохода или снижения экономической активности в таких областях как туризм, транспорт, услуги, сельское хозяйство, рыболовство из-за ограничений, направленных против COVID-19, или рецессии.

ЦУР-2. Существуют перспективы для потенциальной координации усилий стран БРИКС в области разработки сельскохозяйственной политики и балансирования экспортно-импортных правил для продуктов питания из-за критически важной роли сельскохозяйственного производства, экспорта и импорта большинства этих стран на глобальном уровне.

ЦУР-3. Пандемия COVID-19 продемонстрировала уязвимость человечества в целом, включая развивающиеся страны и очаги бедности в развитых странах. Все страны должны сосредоточить внимание на оказании медицинской помощи слоям населения с низкими доходами через государственные системы смешанного медицинского страхования. Дополнительное внимание следует уделять налаживанию международного сотрудничества и обмену информацией и результатами исследований для тестирования, лечения или предотвращения коронавирусных инфекций сейчас и в будущем.

Проблема COVID-19 поставила под сомнение определение ЦУР-3, связанное со здоровьем. Ее следует изменить с учетом эпидемиологических проблем. Современная формулировка ЦУР-3 – «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» – кажется слишком ограниченной для новых реалий. ЦУР-3+ можно было бы представить в следующем виде: «Обеспечение здорового образа жизни и снижение риска эпидемий и других заболеваний».

ЦУР-4. Она направлена на обеспечение качественного образования и продвижение возможностей непрерывного образования для всех. Для стран БРИКС было бы целесообразно создавать совместные образовательные программы в области устойчивого развития и повышать уровень знаний в области реализации ЦУР. Кроме того, все страны должны повышать осведомленность общественности об опасностях коронавирусных заболеваний и готовности систем здравоохранения к борьбе с пандемиями во всем мире, включая бедные слои населения.

ЦУР-6. Она направлена на обеспечение доступа населения к безопасной и доступной питьевой воде и рациональное использование пресноводных экосистем. В странах БРИКС необходимо улучшить доступ к качественным санитарно-гигиеническим услугам, особенно в сельской местности.

ЦУР-7. Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех. Общей целью является обеспечение стабильных поставок доступной энергии для экономического роста, развития и наверстывания отставания в менее развитых странах. Борьба с энергетической бедностью должна рассматриваться как неотъемлемая

часть развития с целью предотвращения изменения климата с точки зрения передачи технологий, финансирования и жизни людей. Энергетический переход должен осуществляться таким образом, чтобы это было совместимо с предотвращением изменения климата в глобальном масштабе.

ЦУР-8. Необходимо как можно скорее восстановить экономический рост после низкого уровня рецессии, используя огромные ресурсы стран с развитой экономикой для борьбы с COVID-19 на глобальном уровне. Глобальная нестабильность также требует пересмотра традиционной системы финансового учета, включая диктат ВВП, который не отражает социальные и экологические проблемы (Richard, 2020).

ЦУР-9. Создание гибкой инфраструктуры, продвижение инклюзивной и устойчивой индустриализации и инноваций. Физическая и человеческая инфраструктура и инновационный потенциал должны создаваться как общий проект человечества.

ЦУР-10. Неравенство между странами сокращается довольно медленно, и социальное неравенство играет важную роль в пандемии и рецессии 2020 года. Эти проблемы следует решать в качестве целей на ближайшее будущее с помощью специальных показателей, в частности предложенных выше.

ЦУР-11. Задача обеспечения безопасности, устойчивости и экологичности городов актуальна для стран БРИКС в контексте быстрой урбанизации, которая сопровождается экологическими проблемами. Высокий уровень загрязнения в городах приводит к высокому уровню смертности и заболеваемости их жителей (Порфирьев и Бобылев, 2018).

ЦУР-12. Обеспечение перехода к устойчивым и рациональным моделям потребления и производства предполагает повышение эффективности использования природных ресурсов. Страны БРИКС могут разработать совместные планы в этой области в рамках 10-летних программ ООН по устойчивому потреблению и производству (10YFP).

Рецессия привела к запретам на поездки и ограничениям на контакты. Это дает пример сокращения личного потребления для богатых слоев населения и включает отдых, услуги и транспорт. Мы призываем к долгосрочным мерам по сохранению некоторых изменений образа жизни. Мы также предлагаем значительно больше внимания уделять учету выбросов по потреблению и зеленому потреблению, а также техническому прогрессу и внедрению зеленого подхода в производство.

ЦУР-13. Для «принятия срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями» странам БРИКС следует разработать скоординированные подходы к формированию позиции стран-участниц БРИКС по вопросам изменения климата, включая регулирование и компенсацию выбросов парниковых газов от лесов и других экосистем, в рамках организации ООН и других диалоговых площадок.

ЦУР-14. Эта цель направлена на сохранение и устойчивое использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития. Страны БРИКС, которые имеют огромные береговые линии, значительные охраняемые районы в морской среде и высокий уровень рыболовства (или перелова), могут эффективно координировать усилия по реализации ЦУР-14.

ЦУР-15. Для защиты и восстановления экосистем суши и содействия их рациональному использованию, рационального лесопользования, борьбы с опустыниванием, прекращения процесса деградации земель и утраты биоразнообразия страны БРИКС должны способствовать достижению этой цели и подчеркивать свою роль в качестве глобальных экологических доноров в международных соглашениях и обязательствах в области предотвращения изменения климата, смягчения последствий нехватки воды, экосистем и сохранения биоразнообразия.

ЦУР-16 («Устойчивые общества») была признана важной широкой институциональной целью. В 2020 году страны БРИКС и весь мир начинают смотреть на них с другой, практически новой точки зрения. Пример ЦУР-16 («Мир, справедливость и эффективные институты») достаточно хорошо показывает эту тенденцию. Пандемия показала несовершенство внутренних и международных институтов. В общем, возникает огромное количество новых вопросов, касающихся институциональной поддержки устойчивого развития. Очевидно, что в 2020 году мир движется к большей нестабильности, а реализация ЦУР к 2030 году стала еще более сложной задачей. ЦУР должны представлять собой сбалансированную систему социальных, экономических и экологических целей, задач и показателей.

В условиях нынешней мировой рецессии и растущего бюджетного дефицита в странах по всему миру *ЦУР-17* должна охватывать ряд новых и острых проблем. Проблема замедления реализации ЦУР становится очевидной во многих странах, потому что финансовых ресурсов для достижения ряда целей попросту не остается. Более того, трудно делать какие-либо выводы относительно проблем развивающихся стран в целом. Очевидно, что в краткосрочной перспективе политическое бремя сместится в сторону решения краткосрочных социальных и экономических проблем за счет вопросов долгосрочной устойчивости. Очевидно, что международное сообщество должно не допустить, чтобы ЦУР отошли на второй план.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций упомянул, что ответ на проблему COVID-19 должен составлять не менее 10% мирового ВВП (UN. Economic and Social Council, 2020). Фактически его слова касались бюджетных средств развитых стран и международных финансовых организаций. Также важно сохранить уровень двусторонней помощи развитию. Однако в 2020 году проблема сокращения прямых иностранных инвестиций и частных финансовых потоков, оцениваемых в несколько процентных пунктов ВВП, также должна быть принята во внимание, и для ряда стран-получателей эта проблема сама станет внешним шоком. Восстановление мировой экономики после эпидемии и рецессии будет сложным процессом, который потребует новой глобальной координации системы ЦУР и эффективного использования ограниченных ресурсов международного сообщества. Определенные модификации ЦУР могут помочь в координации общих усилий во всем мире и, в частности, в странах БРИКС. Наконец, мы должны повторить, что эта пандемия и рецессия слишком опасны для человечества. Международное сообщество, ООН, Бреттон-Вудские организации, научные круги и НПО, а также ответственные субъекты должны восстановить глобальную координацию и управление для достижения ЦУР. Страны БРИКС могут предоставить институциональную поддержку для достижения этой важной цели.

Список литературы

Бобылев С. Устойчивое развитие: Парадигма для будущего // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. 61 (3). С. 107–113.

Бобылев С., Соловьева С. Цели устойчивого развития для будущего России // *Проблемы прогнозирования*. 2017. № 3. С. 26–34.

Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации: Цели Устойчивого Развития и Россия / под ред. С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации). 2016. <https://ac.gov.ru/archive/files/publishing/a/11138.pdf>

Griffin K., McKinley T. *Implementing a Human Development Strategy*. MacMillan. 1994.

Григорьев Л. Россия в системе мирохозяйственных связей // *Стратегический анализ*. 2016. 40 (6). С. 498–512.

Grigoryev L., Morozkina A. BRICS instruments: Specifics of objectives // H. N. S. Viswanathan & N. Unnikrishnan (Eds.), *Search of stability, security and growth BRICS and a new world order*. ORF. 2012. P. 125–134.

Григорьев Л., Морозкина А. Экономике разные – проблемы общие. Россия в глобальной политике. 2013. 2. С. 26–39. <https://eng.globalaffairs.ru/articles/different-economies-similar-problems/>

Григорьев Л., Поповец Л. Социология индивидуальных трагедий. Убийства и самоубийства: межстрановой кластерный анализ // *Российский экономический журнал*. 2019. 5 (3). С. 251–276.

Григорьев Л. Цели устойчивого развития – специфика стран БРИКС // *Международные отношения: Российский журнал мировой политики, дипломатии и международных отношений*. 2020а. С. 60–65.

Григорьев Л. Мировая социальная драма пандемии и рецессии // *Население и экономика*, 2020b. 4 (2). С. 18–25. <https://populationandconomics.pensoft.net/article/53325/>

Григорьев Л., Макарова Е. Норма накопления и экономический рост: Сдвиги после Великой рецессии // *Вопросы экономики*. 2019. № 12. С. 24–46.

Grigoryev L., Pabst A. Introduction – international cooperation in times of post-Cold War (dis)order // L. Grigoryev, A. Pabst (Eds.). *Global governance in transformation – Challenges for international cooperation*. Springer. 2020. P. 1–12.

Григорьев Л., Павлушина В. Межстрановое неравенство: Динамика и проблема стадий развития // *Вопросы экономики*. 2018. № 7. С. 5–29.

Grigoryev L., Pavljushina V. Relative social inequality in the world: Rigidity against the economic growth, 1992–2016 // *Russian Journal of Economics*. 2019. 5(1), P. 46–66. <https://rujec.org/article/35485/>

Grigoryev L., Pavljushina V. Global recession and income inequality: Factors of disruption for elites in the twenty-first century // L. Grigoryev, A. Pabst (Eds.). *Global governance in transformation: Challenges for international cooperation*. Springer. 2020. P. 275–297.

Григорьев Л., Макаров И., Соколова А., Павлушина В., Степанов И. Изменение климата и неравенство: потенциал для совместного решения проблем // *Журнал исследований международных организаций*. 2020. 15 (1). С. 7–30.

Григорьев Л., Павлушина В., Музыченко Е. Падение в мировую рецессию // *Вопросы экономики*. 2020. № 5. С. 5–24.

Guterres A. Opening remarks at Nelson Mandela lecture: “Tackling the inequality pandemic: A new social contract for a new era”. 2020 July 20. <https://www.un.org/africarenewal/web-features/“tackling-inequality-pandemic-new-social-contract-new-era”>

IMF. World economic outlook update. 2020 June. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO>

Jain-Chandra S., Khor N., Mano R., Schauer J., Wingender P. Zhuang J. Inequality in China – Trends, rivers and policy remedies. Working Paper 2018. No. 18/127. <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/06/05/Inequality-in-China-Trends-Drivers-and-Policy-Remedies-45878>

Kurdir A., Shastitko A. The new industrial policy: A chance for the BRICS countries // BRICS journal of economics. 2020. 1(1), P. 60–80.

Макаров И., Соколова А. Оценка углеродоемкости внешней торговли России // Экономический журнал ВШЭ. 2014. 18, 477–507. https://elib.hse.ru/e-resources/HSE_economic_journal/articles/18_03_06.pdf

Makarov I., Sokolova A. Carbon emissions embodied in Russia’s trade: Implications for climate policy // Review of European and Russian Affairs. 2017. 11(2), P. 1–21.

Makarov I., Chen H., Paltsev S. Impacts of climate change policies worldwide on the Russian economy // Climate Policy. 2020. June 19

OECD. Carbon dioxide emissions embodied in international trade. 2020. <https://www.oecd.org/sti/ind/carbondioxideemissionsembodiedininternationaltrade.htm>

Порфирьев Б., Бобылев С. Города и мегаполисы: проблема дефиниций и индикаторы устойчивого развития // Проблемы Прогнозирования. 2018. 167 (2), С. 14–23.

Richard, J. Towards a new ecological and human type of national accounting for developing economies (The CARE/TDL model) // BRICS Journal of Economics. 2020. 1(1), P. 43–59. https://www.brics-econ.org/current/2020.Volume.1.Number.1/JournalArticle.20200417204956_3290/

Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune G., Fuller G., Woelm F. The sustainable development goals and COVID–19. Sustainable Development Report 2020. Cambridge University Press.

Schultz T. W. Capital formation by education // Journal of Political Economy. 1960. 68(6). P. 571–583.

Sen A. Development as capability expansion // K. Griffin, T. McKinley (Eds.). Human development and the international development strategy for the 1990s. MacMillan. P. 41–58.

UN. (1992). Agenda 21. United Nations conference on environment & development. <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/Agenda21.pdf>

UN. (2015). Paris Agreement on climate change. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/climate-action/>

UN. (2017). Input from the Economic Commission for Europe to the high-level political forum on sustainable development. <https://digitallibrary.un.org/record/1290269>

UN. (2020). Voluntary National reviews database. <https://sustainabledevelopment.un.org/vnrs/>

UN. Economic and Social Council. (2020). Progress towards the sustainable development goals. Report of the Secretary-General (E/2020/XXX). https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26158Final_SG_SDG_Progress_Report_14052020.pdf

UN. General Assembly. (2000). United Nations Millennium Declaration.

UN. General Assembly. (2012). The future we want (A/RES/66/288). https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_66_288.pdf

UN. General Assembly. (2015). Transforming our world: The 2030 agenda for sustainable development (A/RES/70/1). https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf

UNDP. (2010). National Human Development Report 2010 in the Russian Federation. Millennium Development Goals in Russia: Looking into the Future. http://hdr.undp.org/sites/default/files/russia_nhdr_2010_en.pdf

UNDP. (2019). Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. <http://hdr.undp.org/en/2019-report>

WEF. (2020). The Global Risks Report 2020 (15th ed). http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf

World Bank. (2019). World Development Indicators. <http://wdi.worldbank.org/tables>

Natural Resource Economics

**IN SEARCH OF THE CONTOURS OF THE POST-COVID
SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS: THE CASE OF BRICS**

Sergey N. Bobylev

Doctor of Economics, Professor

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics

(Moscow, Russia)

Leonid M. Grigoriev

Candidate of Economic Sciences,

National Research University Higher School of Economics

(Moscow, Russia)

The author of the translation:

Maria Yu. Beletskaya

Candidate of Economic Sciences,

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics

(Moscow, Russia)

Abstract

The global COVID-19 pandemic and an unexpected recession of dangerous proportions have provided strong reasons to look at the Sustainable Development Goals (SDGs) from three perspectives: The SDGs as a victim of the 2020 recession; the SDGs as an opportunity for better coordination on the way out of the recession; and the SDGs as an object of modernization for better adaptation to the realities "on the world stage". The BRICS countries are interested in developing and implementing the SDGs on a global scale as a way to catch up. The authors propose a "pandemic protocol", as well as a change in the methodology for including indicators in the SDGs: the introduction of new indicators that are important for sustainability and the incorporation of cross-cutting key indicators for the SDGs, both new and existing.

Keywords: BRICS, health, inequality, low carbon, pandemic, recession, SDGs.

JEL: F01, F44, F63, F64, O15.

For citation: Bobylev, S. N., Grigoryev L. M. (2021). In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS (trans. from Eng. Beletskaya, M. Yu.) Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal, vol. 13, no. 1, pp. 25-51. DOI: 10.38050/2078-3809-2021-13-1-25-51

References

Bobylev, S. (2017). Ustojchivoe razvitie: Paradigma dlya budushchego. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 61(3), 107–113 (Sustainable development: A paradigm for the future. *World Economy and International Relations*, 61(3), 107–113).

Bobylev, S., & Solovyeva, S. (2017). Sustainable development goals for the future of Russia. *Studies on Russian Economic Development*, 28(3), 259–265.

Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossijskoj Federacii: Celi ustojchivogo razvitiya OON i Rossiya. (2016). Pod red. S. N. Bobyleva & L. M. Grigoryeva (S. Bobylev & L. Grigoryev (Eds.), *Human development report in the Russian Federation: UN sustainable development goals and Russia*. Analytical Center for the Government of the Russian Federation). <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/11138.pdf>

Griffin, K., & McKinley, T. (1994). *Implementing a Human Development Strategy*. MacMillan.

Grigoryev, L. (2016). Russia in the system of global economic relations. *Strategic Analysis*, 40(6), 498–512.

Grigoryev, L., & Morozkina, A. (2012). BRICS instruments: Specifics of objectives. In H. H. S. Viswanathan & N. Unnikrishnan (Eds.), *Search of stability, security and growth BRICS and a new world order*. ORF, pp. 125–134.

Grigoryev, L., & Morozkina, A. (2013). Different economies, similar problem. *Russia in Global Affairs*, 2, 26–39. <https://eng.globalaffairs.ru/articles/different-economies-similar-problems/>

Grigoryev, L., & Popovets, L. (2019). Sociology of individual tragedies. Homicides and suicides: Cross-country cluster analysis. *Russian Journal of Economics*, 5(3), 251–276.

Grigoryev, L. (2020a). Sustainable development goals — BRICS countries' specifics. *International Affairs: A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations*, 60–65.

Grigoryev, L. (2020b). Global social drama of pandemic and recession. *Population and Economics*, 4(2), 18–25. <https://populationandconomics.pensoft.net/article/53325/>

Grigoryev, L., & Makarova, E. (2019). Norma nakopleniya i ekonomicheskij rost: Sdvigi posle Velikoj recessii. *Voprosy Ekonomiki*, 12, 24–46 (Capital accumulation and economic growth after the Great Recession. *Issues of Economics*, 12, 24–46).

Grigoryev, L., & Pabst, A. (2020). Introduction — international cooperation in times of post-Cold War (dis)order. In L. Grigoryev & A. Pabst (Eds.), *Global governance in transformation — Challenges for international cooperation*. Springer, pp. 1–12.

Grigoryev, L., & Pavljushina, V. (2018). Mezhsranovoe neravenstvo: Dinamika i problema stadij razvitiya. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 5–29 (International inequality: Dynamic and the problem of stages of development. *Issues of Economics*, 7, 5–29).

Grigoryev, L., & Pavljushina, V. (2019). Relative social inequality in the world: Rigidity against the economic growth, 1992–2016. *Russian Journal of Economics*, 5(1), 46–66. <https://ru-jec.org/article/35485/>

Grigoryev, L., & Pavljushina, V. (2020). Global recession and income inequality: Factors of disruption for elites in the twenty-first century. In L. Grigoryev & A. Pabst (Eds.), *Global governance in transformation: Challenges for international cooperation*. Springer, pp. 275–297.

Grigoryev, L., Makarov, I., Sokolova, A., Pavlyushina, V., & Stepanov, I. (2020). Climate change and inequality: How to solve these problems jointly? *International Organizations Research Journal*, 15(1), 7–30.

Grigoryev, L., Pavlyushina, V., & Muzychenko, E. (2020). Padenie v mirovuyu recessiyu 2020... *Voprosy Ekonomiki*, 5, 5–24 (The fall into 2020 recession... *Issues of Economics*, 5, 5–24).

Guterres, A. (2020). Opening remarks at Nelson Mandela lecture: “Tackling the inequality pandemic: A new social contract for a new era”, July 20. <https://www.un.org/africarenewal/webfeatures/“tackling-inequality-pandemic-new-social-contract-new-era”>

IMF. (2020). World economic outlook update, June 2020. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO>

Jain-Chandra, S., Khor, N., Mano, R., Schauer, J., Wingender, P., & Zhuang, J. (2018). Inequality in China — Trends, drivers and policy remedies. Working Paper No. 18/127. <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/06/05/Inequality-in-China-Trends-Drivers-and-Policy-Remedies-45878>

Kurdin, A., & Shastitko, A. (2020) The new industrial policy: A chance for the BRICS countries. *BRICS journal of economics*, 1(1), 60–80.

Makarov, I., & Sokolova, A. (2014). Ocenka uglerodoyemkosti vneshney trgovli Rossii. *Ekonomicheskij Zhurnal VSHE*, 18, 477–507 (Assessment of carbon intensity of foreign trade in Russia. *Higher School of Economics Economic Journal*, 18, 477–507). https://elib.hse.ru/e-resources/HSE_economic_journal/articles/18_03_06.pdf

Makarov, I., & Sokolova, A. (2017). Carbon emissions embodied in Russia’s trade: Implications for climate policy. *Review of European and Russian Affairs*, 11(2), 1–21.

Makarov, I., Chen, H., & Paltsev, S. (2020). Impacts of climate change policies worldwide on the Russian economy. *Climate Policy*. 19 June.

OECD. (2020). Carbon dioxide emissions embodied in international trade. <https://www.oecd.org/sti/ind/carbondioxideemissionsembodiedininternationaltrade.htm>

Porfiriev, B., & Bobilev, S. (2018). Cities and megalopolises: The problem of definitions and sustainable development indicators. *Studies on Russian Economic Development*, 29(2), 116–123.

Richard, J. (2020). Towards a new ecological and human type of national accounting for developing economies (The CARE/TDL model). *BRICS Journal of Economics*, 1(1), 43–59. https://www.brics-econ.org/current/2020.Volume.1.Number.1/JournalArticle.20200417204956_3290/

Sachs, J., Schmidt-Traub, G., Kroll, C., Lafortune, G., Fuller, G., & Woelm, F. (2020).

The sustainable development goals and COVID–19. *Sustainable Development Report 2020*. Cambridge University Press.

Schultz, T. W. (1960). Capital formation by education. *Journal of Political Economy*, 68(6), 571–583.

Sen, A. (1990). Development as capability expansion. In K. Griffin & T. McKinley (Eds.), *Human development and the international development strategy for the 1990s*. MacMillan, pp. 41–58.

UN. (1992). Agenda 21. United Nations conference on environment & development. <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/Agenda21.pdf>

UN. (2015). Paris Agreement on climate change. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/climate-action/>

UN. (2017). Input from the Economic Commission for Europe to the high-level political forum on sustainable development. <https://digitallibrary.un.org/record/1290269>

UN. (2020). Voluntary National reviews database. <https://sustainabledevelopment.un.org/vnrs/>

UN. Economic and Social Council. (2020). Progress towards the sustainable development goals. Report of the Secretary-General (E/2020/XXX). https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26158Final_SG_SDG_Progress_Report_14052020.pdf

UN. General Assembly. (2000). United Nations Millennium Declaration.

UN. General Assembly. (2012). The future we want (A/RES/66/288). https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_66_288.pdf

UN. General Assembly. (2015). Transforming our world: The 2030 agenda for sustainable development (A/RES/70/1). https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf

UNDP. (2010). National Human Development Report 2010 in the Russian Federation. Millennium Development Goals in Russia: Looking into the Future. http://hdr.undp.org/sites/default/files/russia_nhdr_2010_en.pdf

UNDP. (2019). Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. <http://hdr.undp.org/en/2019-report>

WEF. (2020). The Global Risks Report 2020 (15th ed). http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf

World Bank. (2019). World Development Indicators. <http://wdi.worldbank.org/tables>